

Газета «Петербургский ведомости»

Анастасия Долгошева

люди 10 февраля 2023

Тихая работа на будущее

Гость редакции — директор Санкт-Петербургской детской школы искусств имени М. И. Глинки Алла НИКИТИНА

Конкурентны на мировом рынке труда не только российские айтишники. В зарубежных оркестрах весомая доля музыкантов — россияне. Российский диплом об образовании в области искусств такой убедительный, что обычно даже не требует подтверждения.

Учебное заведение, которое возглавляет наша собеседница, заслуженный работник культуры РФ, — победитель всероссийских конкурсов на звание лучшей школы искусств, входит в национальный реестр «Ведущие учреждения культуры», а с 2016 года выступает организатором всероссийской конференции школ искусств.

Мы поговорили о том, какво «нагружать» ребенка дополнительным образованием, когда и других нагрузок хватает, почему в других странах такой системы подготовки нет и почему для соседей — благословение, если ребенок за стенкой наяривает гаммы.

— Алла Владленовна, ощущение, будто раньше отовсюду из окон доносились гаммы, а сейчас такого нет. Ощущение ошибочное?

— Думаю, не ошибочное. Сразу поясню наше отличие от домов творчества: там программы общеразвивающие, ребенок может заниматься сразу в нескольких кружках, и главное не способности, а интерес. В школы искусств поступают по конкурсу. Наша задача — обучение предпрофессиональное. Мы готовим тех, кто будет «создавать культуру»: поступит в колледжи и вузы искусств, войдет в профессиональные оркестры и театры, станет художниками, хореографами.

У Министерства культуры есть расчеты: сколько детей должны обучаться в школах искусств. Но Петербургу сложно эти планы выполнить: город растет быстрее, чем количество школ искусств. При этом наш регион — едва ли не единственный, который в 1990-е смог сохранить систему такой подготовки: во многих регионах она разваливалась — школы закрывались, присоединялись к домам творчества, становились, скорее, такими...кружковыми.

— Вы упомянули, что Петербургу удалось сохранить систему школ искусств. Что ей угрожало?

— По закону об образовании 1992 года, такие школы фактически утратили особый статус, который имели в советское время. Статус учреждения предпрофессиональной подготовки. Только в 2012 году новый закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» его вернул.

Вообще подобной системы детских школ искусств в мире нет. Сложилась она в советское время, но вести отсчет можно даже с 1862 года. Тогда благодаря композитору Балакиреву и его единомышленникам в стране начали открываться общественные музыкальные школы — они существовали на средства меценатов. Идея была в том, чтобы музыке обучались представители не только состоятельных сословий. Первая такая школа появилась в Петербурге.

Ближе к XX веку сестры Гнесины основали в Москве музыкальное училище. С приходом советской власти одна из сестер обратилась к наркому Луначарскому, и он издал указ о создании музыкальных школ. Поначалу в них учились дети и взрослые, а в 1930-х произошло разделение на детские школы и училища искусств.

— ***Почему в других странах такой системы не сложилось?***

— Она очень затратная. Это же индивидуальное обучение. Например, в нашей школе только на музыкальном отделении на бюджете учатся 516 человек, а на них — 100 педагогов. Иногда на одного ученика — и педагог, и концертмейстер.

За рубежом бесплатное образование в области искусств появляется, как правило, уже на высшей ступени. Например, в консерватории: есть несколько бесплатных мест, есть стипендии и гранты, которые покрывают плату за обучение. Для детей бесплатны обычно групповые занятия, не индивидуальные.

В массовых масштабах система бесплатного предпрофессионального образования в области искусств без поддержки государства невозможна.

Такая централизованная система работала во всем Советском Союзе. В 1990-е, повторю, Петербург смог ее сохранить и оставить бесплатной. В те годы виолончелист Мстислав Ростропович, пианист Николай Петров, композитор Андрей Петров заявили: если музыкальные школы станут платными, это будет позор.

Пусть не каждый выпускник вырастет в профессионала в области искусств, но когда-то Михаил Швыдкой, будучи министром культуры, говорил: физик, игравший в детстве на флейте, — это другой физик. Такое образование дает сильный импульс. Я говорю даже не о творчестве: это привычка к методичности, к ответственности.

— ***И сейчас, как вы сказали, школ не хватает.***

— В центре Петербурга ситуация легче, но центр не густонаселен. В быстрорастущих нецентральных районах — гораздо сложнее.

У нас два здания: одно у моста Володарского, другое на улице Коллонтай. То, как мы в 2005 году получили второе, — очень показательный пример. Здание принадлежало инвестору, который возводил тут новостройки. И жители Невского района начали писать городским властям, что надо это здание выкупить в собственность города для дополнительного образования высокого уровня.

И представьте себе: убедили! Губернатором была Валентина Матвиенко, она сказала, что нужна отдельная программа по школам искусств. И теперь почти каждый год-два что-то появляется. Например, за последние годы: в 2019-м — Детский театр танца Бориса Эйфмана, новое здание школы искусств имени

Стравинского в Ломоносове, в 2020 году — новое здание детской музыкальной школы № 37 на Туристской улице в Приморском районе...

У нашей школы нет привязки к району. Долгое время к нам, например, из Кудрова приезжали заниматься. Но мы с некоторым облегчением вздохнули, когда там открылся филиал колтушской школы искусств. Сейчас нам и в двух наших зданиях не хватает площадей. Конкурс на поступление — до десяти человек на место, иногда больше. Каждая приемная кампания — драма: родители на апелляционную комиссию приходят, возмущаются. Я им говорю: у вашего ребенка есть способности, ему обязательно нужно учиться. Но если на одно место несколько претендентов — поступит тот, у кого балл выше. По закону, мы можем принимать на платное, но даже там конкурс.

Нам очень нужно третье здание. Надеюсь, будем строить.

— В детском спорте идут дискуссии: можно ли так нагружать детей. А как «в искусствах»?

— Когда-то финские педагоги спросили: как мы добиваемся таких высоких результатов? Мы объясняли: вот такие предметы, вот столько часов, вот такие требования. Они: «Нет, у нас нельзя так детей загружать».

Но по-другому результата не будет! Я веду класс аккордеона и сразу говорю родителям: «Это не ребенок поступил, это и вы поступили». Потому что надо сделать так, чтобы занятия стали для ребенка не пунктом в расписании, а образом жизни. На уровне рефлекса. Условно: зубы почистил — сел за инструмент.

Сейчас многие психологи говорят: если ребенку не нравится, то и не надо. Но в нашей сфере нельзя так отмахиваться. Нужно разобраться, почему не нравится. И постараться устранить причину.

Бывает, приходит ученик на урок и аж плачет: не получается. Начинаем разбираться. Оказывается, дома гонял произведение в быстром темпе. «Загнал». Надо так: получилось — закрепляем в медленном темпе.

— Многие ли бросают?

— Я сказала про труд, но все же кредо нашей школы — «занятия с удовольствием».

Есть такой показатель качества работы школы: сколько детей дошли до выпуска. Мы стали изучать, почему ребенок может бросить занятия. Одна из

главных причин в том, что многие перестают справляться с усложняющимся репертуаром, а тут еще в общеобразовательной школе нагрузка. В результате ребенок не видит перспективы.

Тогда мы для себя сформулировали задачу: надо вовремя увидеть эти сложности. Одни дети твердо настроены на профессию, другие — еще не уверены, третьи — хотели бы заниматься, но им материал не очень дается. И мы выстроили трехуровневую по сложности систему. Можно немного смягчать требования для тех, кто еще не определился профессионально: так ученик видит прогресс, видит смысл заниматься.

Есть еще одно средство, чтобы не бросали. Важны не только уроки и хороший педагог. Должна быть среда, которой ребенку не хотелось бы лишаться. Концерты, совместные поездки, общие занятия. Художники с музыкантами, музыканты с театральными...

Бывает, ученик так освоится в этой среде, что уже уверенно выбирает искусство как будущую профессию, занимается упорнее. Знаете, мы выяснили: пока школа не занималась организацией всяких проектов, фестивалей, конкурсов, выставок, пока не сотрудничала с другими регионами, с артистами — отсеб был больше. Потому что среды не было.

— ***Есть направления, на которые нет спроса?***

— Понимаю, о чем вы. В свое время возникла проблема: плохо шли в «народники». А сейчас на домру и балалайку — конкурс! В нашем оркестре русских народных инструментов за партии «дерутся»!

Просто нельзя работать по старинке. Вот, казалось бы, что нового можно показать в хоровом пении? Наш хор «Перезвоны» на всероссийском конкурсе «Битва хоров!» в Москве взял главный приз в детской номинации. Миллион рублей. А ведь это не концертный коллектив. Просто хор школы искусств. Но это говорит о качестве кадров и о том, что есть понимание, как развиваться. Руководитель хора Лариса Яруцкая принципиально включает в репертуар произведения современных академических композиторов. Сотрудничает с Вадимом Биберганом (он учился у Шостаковича, написал музыку к фильмам Глеба Панфилова), Виктором Плешаком, Сергеем Плешаком, Евгением Рушанским.

— ***А художественное образование как «осовременить»?***

— Тут тоже свой «больной вопрос»: художественные школы развивают в основном направление «Живопись». Чтобы этот перекос несколько скомпенсировать, мы, например, открыли направление «Архитектура». Дело в том, что наш комитет по градостроительству и архитектуре как-то сетовал: не хватает архитекторов с художественным образованием.

Кроме нас, кажется, никто больше не решился организовать такое обучение. Это и понятно: сложно с преподавательскими кадрами. По закону, нужно, чтобы у человека был не только диплом архитектора, но и «корочка» преподавателя.

— *Всероссийская конференция школ искусств проходит и в онлайн. Там тысячи просмотров трансляции...*

— На первой конференции «Детская школа искусств: образование, управление, развитие» в 2016 году желающих собралось столько, что банкетки приносили — мест не хватало. Очень горячие обсуждения были: что материальная база слабая, что в некоторых регионах школы еле выживают.

Тогда прозвучало, что именно в Петербурге выбрана правильная позиция: школы искусств должны быть централизованными, подчиняться Министерству культуры. Потому что был вариант перехода под Министерство просвещения или в районы. Но при таком переподчинении терялась связь с теми учреждениями, для которых мы готовим детей.

Сейчас в Петербурге 63 школы искусств, из них 42 находятся в ведении комитета по культуре, 21 — районного подчинения. И разъединение сказывается, в районе не всегда понимают специфику таких школ.

Кстати, после той первой конференции Москва перестроила свою систему по примеру Петербурга. Сделала так, чтобы школы работали едино. А с 2019 года по нацпроекту «Культура» началось оснащение школ искусств музыкальными инструментами. А то наши настройщики за голову хватались: запчастей нет, инструменты старые. Помню, мне звонят из нашего Законодательного собрания: «Ну теперь-то вы довольны?». Отвечаю: «Мы очень благодарны... Но вообще-то это процесс бесконечный». Инструмент ведь работает по восемь-девять часов каждый день. Это «станок».

Сейчас перед школами конкретная задача: восполнять нехватку кадров. Сами посудите, какой отбор: для того чтобы через десять лет один скрипач пришел в оркестр филармонического уровня, мы сегодня должны начать учить сто скрипачей. А чтобы их выучить, нужны преподавательские кадры.

— ***Их не хватает?***

— Директор училища имени Римского-Корсакова Кирилл Архипов проанализировал статистику: в Петербурге кадрового голода нет, но кадры стареют. Я нашего преподавателя по фортепиано умоляю не уходить на пенсию: пожалуйста, еще годик поработайте!

У нас с училищем Римского-Корсакова договоренность: будем приглашать на практику своих же выпускников. С художниками мы уже определились: проходят практику наши выпускники, еще учась в училище или вузе, а потом приходят к нам на работу.

Почему образовался пробел в кадрах: был период, когда профессия утратила престиж. В советское время, например, считалось, что у учителя в музыкальной школе всегда будет кусок хлеба с маслом. И это справедливо: к такой профессии готовились с пяти-шести лет. У меня, начинающего учителя музыки, зарплата была даже чуть больше, чем у мужа в НИИ, в те годы тоже немаленькая. В 1990-е педагоги стали получать «ничего», начался спад.

Но мы из него выходим. Во всяком случае в крупных городах. Я ответственно заявляю: в Петербурге — во всяком случае в таких школах, как наша, — зарплаты достойные. Стимулирующие выплаты есть, руководство из платных услуг добавляет. В нашей школе среднемесячная зарплата на конец финансового года — 78 тысяч рублей. Все молодые педагоги уже с квартирами, потому что могут оплачивать ипотеку. Редко кто без машины.

— ***Все «образцово-показательное» — в школах искусств Москвы и Петербурга?***

— Нет, есть потрясающие наработки в регионах! В Красноярском крае между школами искусств иногда расстояния такие, что, наверное, на вертолете лететь надо — но удается сохранять единство. Там создали, например, систему мониторинга училищ и вузов искусств, чтобы уже на выпускных курсах присматривать будущих педагогов. Или региональный ресурсный центр Свердловской области: его методическими рекомендациями, наверное, уже по всей России пользуются.

В Мурманской области есть поселок с названием, не удивляйтесь, Африканда. Там жителей-то около двух тысяч, а школа искусств стала местным центром культуры. Даже поддержку бизнеса к своим проектам привлекли.

— На недавней конференции прозвучало, что было бы правильно требовать при поступлении ребенка медицинскую справку. Это как же — отсев «по здоровью»?

— Нет-нет, это совсем другое. У нас ведь учатся и дети с ограничениями по здоровью. Суть в том, чтобы школа знала об этих ограничениях.

К примеру, игра на духовом инструменте может навредить, если не в порядке внутричерепное давление. Если искривление позвоночника, трудно учиться игре на аккордеоне, на скрипке — надо ведь определенную позу держать.

В советские времена, кстати, в школы искусств требовались медицинские справки. Некоторые и сейчас их просят, но закрепленной законом формы справки нет. Нам такая была бы полезна, чтобы предложить талантливому ребенку то занятие, которое ему не навредит.

— Вы говорите: образование очень затратное. Как объяснить смысл такого «бюджетного расточительства» человеку, скажем так, далекому от искусства?

— Легко. У дополнительного образования в целом такая не очень заметная «широкой общественности» тихая работа на будущее. Интересная особенность: я заметила, что представители правовых органов, прокуратуры, судов и так далее особенно охотно записывают своих детей на дополнительное образование. Думаю, потому что в правоохранительной системе постоянно имеют дело с плохими сторонами жизни, с преступностью. И понимают, от чего надо детей ограждать и каким способом.

В таких школах у человека воспитывается душа. Я не просто красивые слова говорю. Это нужно не только ребенку или его семье. Это, извините, выгодно соседям по лестничной клетке, по дому. Когда на заседании правительства страны прозвучало, что «выпускники музыкальных школ не попадают в колонии для несовершеннолетних» — это ведь не просто так сказано, это результаты исследования.

Знаете, я сейчас больше всего переживаю, что не хватает таких школ, где могли бы заниматься творчеством не только дети, но и взрослые. Думаю, вот было бы правильно, если бы застройщики в новых микрорайонах не только детсад и школу строили, но и школы искусств. И закладывать такое строительство необходимо уже на уровне проектирования территории.